

18+

НИКИТА БОГОВИН

ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОДА МИРАРИН
Ветер с Ярмарского поля

Никита Боговин

Последний из рода Мирарин.

Ветер с Ярмарского поля

<https://litres.ru/74486898>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Дорина две войны: одна – за сестру, которую он ищет, другая – с собой, которого он потерял. Между ними – чужие клятвы, чужие земли и люди, что смотрят на него как на знамя. Он не хотел короны. Он хотел только найти её. Теперь он ведёт армию в страну, где мёртвые не хоронят мёртвых, а Жнецы выходят на охоту, когда строй растянут.

А где-то за морем, в каменной норе под снегом, Винирион учится жить с тем, что впустил. Камень на его груди молчит – но не спит. Кольцо на её пальце ждёт – но не греет. Между ними – древний старик с пустыми глазами, который знает цену всему, и рыцарь, который слишком долго искал, чтобы теперь отступить. Тьма внутри не спит. Она просто ждёт, когда он снова сорвётся. И когда это случится – Аврора будет рядом. Вопрос лишь в том, кем он станет к тому моменту: тем, кто её спасёт, или тем, от кого её придётся спасать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Никита Боговин Последний из рода Мирарин. Ветер с Ярмарского поля

Пролог

Риния

21 Сханнан 970 год, Великое море

Ветер забирался под ворот, кусал шею. Я сжала края плаща. мех, отороченный серебром, давил на плечи – тяжелее, чем должен был. Словно сам род Тенесвет придавил к палубе.

Золотое платье под плащом выбивалось из-под подола при каждом порыве, резало глаз неуместным блеском среди серых досок и соли. Я запахнула плащ плотнее. Ткань пахла чужой дорогой – пылью, дымом, потом.

У оконца вцепилась в щербатый край. Дерево обжигало пальцы холодом, в проёме сквозило сырым воздухом – солёным, тяжёлым, с примесью въевшейся тухлой рыбы. За стеклом – серое месиво моря и неба, без горизонта, без теней.

Два моната в пути – и я сбилась со счёта зёмтигам. Скрип мачт, плеск волн, покачивание – всё превратилось в монотонный гул. Но под этой коркой жила память. Запах горелого дерева. Он преследовал меня даже здесь, посреди моря, перебивая солёный ветер.

Дядя Аэндор. Его взгляд – бирюзовый, как у всех Тенесвет, но пустой, лишённый тепла. Он смотрел на матушку, когда она пыталась заслонить нас собой. Смотрел и улыбался. Я помню его руки – в перстнях, холёные. Помню, как они сомкнулись на её плечах. Помню, как она обернулась ко мне – в последний раз. Губы шевельнулись. Я не услышала слов. Только крики. Которые оборвал дым.

Я стиснула кольцо на пальце. Жёлтый камень отозвался сразу – тёплое покалывание растеклось по ладони к запястью. Навязчивое, ласковое, чужое. Оно размывало острые границы памяти, затягивало рану тонкой золотистой плёнкой – и вместе с болью уходило что-то ещё, что-то важное. Ещё мгновение, и воспоминания стали бы далёкими, точно чужая сказка. Я задержала дыхание и разжала пальцы. Нелзя.

Бабушка Альвия называла этот свет милосердным, но в её устах это звучало как предупреждение. Фамильная драго-

ценность, что переходила от матери к дочери, – она никогда не говорила, откуда камень и почему теплеет в руке. Просто велела не держать его долго. Я слушалась. Но иногда – как сейчас – пальцы сами сжимались.

– Риния.

Голос сестры выдернул меня из полумрака. Виола стояла в проходе, её силуэт качался в такт кораблю. Свет из оконца падал на лицо, высвечивая тёмные круги под глазами – такие же, как у меня. Только глаза другие: серые, отцовы, а не бирюзовые. Среди беловолосых Тенесвет она всегда казалась чужой. Но теперь, когда за кормой осталась лишь смерть, это не имело значения.

– Чего тебе? – вырвалось резче, чем хотелось.

– Хватит сидеть внизу. – Она шагнула ближе, поёжилась, доски скрипнули. – Матушка волнуется. И я.

Её ладонь легла на плечо, тёплая даже сквозь мех. Я не пошевелилась. Где-то глубоко, под коркой усталости, шевельнулась благодарность. Но облекать её в слова не хватило сил.

– Риния, ты слышишь меня вообще?!

Виола встряхнула меня за плечи. Я подняла голову.

– Повтори.

Она не успела. Сверху, с мачты, сквозь вой ветра прорвался крик – далёкий, но различимый:

– Земля!

Виола вздрогнула и дёрнула меня за рукав – как в детстве, когда звала смотреть, как жонглёры крутят огонь на рыноч-

ной площади.

– Слышала? Пошли!

Лестница закрипела под ногами. На палубе в лицо ударил ветер – резкий, солёный, вышибающий слёзы. Виола уже пробиралась к борту, подныривая под чьи-то локти. Рядом с ней вытянулись по стойке несколько человек из лейб-гвардии покойной бабушки – без оружия, пояса пусты, но спины прямые. Капитан, грузный, седобородый, стоял у поручней, приставив ладонь к глазам, и вглядывался в горизонт.

Палуба была мокрой от измороси. Я подошла к поручням. Ветер трепал мех, забирался в рукава. Где-то далеко, на границе сознания, билась мысль: вот и всё. Дальше – либо жизнь, либо ничего.

– Ну же, где она? – Виола постукивала пальцами по дереву, приплясывая от холода.

Я вгляделась в горизонт. Сначала – ничего. Только серая вода и такое же серое небо. А потом, на самой границе, проступила тёмная полоса. Тонкая, едва различимая, слишком плотная для облака.

– Вон там, – сказала я тихо.

Капитан прищурился, помедлил, потом кивнул – скорее себе, чем нам:

– Земля.

Виола вытянула шею.

– Таомалий, или как его там?

– Таомелия, – поправила я. Слова царапали горло, но звук

собственного голоса немного привёл в чувство.

– И это всё? – Она скривилась. – Полоска грязи?

Я промолчала. Впереди была не земля – тень. Чёрная полоса на границе мира. Я вглядывалась в неё, и в груди рос холод – не тот, что остался за кормой, а иной, острый и незнакомый, будто ветер забрался под рёбра и не мог найти выхода.

На палубу поднялась матушка. Иона. К борту не подошла, держалась в стороне – прямая, замкнутая, будто несла на плечах молчаливую скорбь покойной кайзерин. От той женщины, что держала двор, осталась только осанка. Губы дрогнули – но слов я не разобрала. Она отвернулась, не желая, чтобы кто-то видел её лицо.

Я смотрела на неё, и в груди сжималось. Жалость мешалась со страхом, и я не могла отделить одно от другого. Матушка словно выцвела изнутри. Я не хотела такой же судьбы – молча стоять и ждать, пока мир решит за тебя.

За кормой, за серой бесконечностью, остался Примусхафен. Его белые башни, его рынки, пропахшие пряностями и рыбой, его храмы, где мы поклонялись предкам-кайзерам. Всё, что было моим по праву рождения, теперь принадлежало убийце.

Я поймала себя на том, что снова сжимаю кольцо. Жёлтый камень отозвался теплом – вкрадчивым, обволакивающим. Я отдёргнула руку, и холод вернулся – отрезвляющий, почти болезненный.

Виола тронула меня за локоть.

– Мы выживем, – сказала она тихо. Без вопроса. Как факт.

Я не ответила. Просто стояла и смотрела, как тёмная полоса на горизонте становится шире. И с каждым ударом сердца – ближе.

Глава 1

Дорин

10 Драмела 970 года, замок Кеншагон

Ветер задувал в щели кладки – не сквозняк, а настоящий северный гость, пробиравшийся холодом даже сквозь дублет. Я стоял у парапета, глядя вниз. От подножия замка расплывались тени людей – мелкие, суетливые, все как одна. Но мелочи никогда таковыми не были. Я знал это слишком хорошо.

Я отвернулся и шагнул обратно в комнату. Здесь, в четырёх стенах чужого замка, всё ощущалось далёким – как в Лороне, когда я впервые ступил под его своды. Камень давил. Воздух был спёртым, будто его не проветривали годами. Я втянул его сквозь зубы и задержал в груди, пока не заныло под рёбрами. Только потом выдохнул.

Замок Кеншагон. Твердыня того, против кого я вёл летнюю кампанию. До Кальдерона. До того, как всё рассыпалось. Я сжал челюсти. Хватило одного взгляда сестры там, на площади – бледной, сжавшейся, – чтобы стало ясно, в ко-

го я превратился. Прозвище «Бездушный» я таскал годами, как чужой плащ, – думал, приросло намертво. А теперь...

А потом – тьма. Винирион. То, как он расправился с Легендаром, играючи, будто раздавил мокрицу. Наивный старик всерьёз решил, будто мальчишка подыграет в его фарсе с помилованием. Я до сих пор не понимал, что тогда произошло на той площади. И не был уверен, что хочу понимать.

Что я вообще здесь делаю? Надо было отказать Корнелию. Навязаться с ним, пусть бы гнал. Или хотя бы потянуть с ответом – не давать слово так сразу. С каких пор я стал таким благородным, что не могу нарушить обещание? Раньше это было легко. Дать слово – и забыть. А теперь... Теперь я держал совет в чужом замке, будто мне было дело до чужих распрей.

– Господин Дорин.

Я вздрогнул, резко обернулся – и едва не наткнулся на мальчишку лет десяти. Он стоял слишком близко, втянув плечи в шею, будто ждал удара. Я узнал его сразу: Тиро. Тот самый, что служил Катрине. Тот самый, что остался жив.

– Я же просил меня так не называть! – Голос сорвался почти на крик.

Я сам не понимал, отчего срываюсь на нём. Может, оттого, что он служил Катрине. Может, оттого, что его присутствие напоминало о том, чего я не хотел помнить. Но мальчишка был не виноват. Ни в чём. Как и в том, что Морриган взяла его с собой, а не бросила в Лоронине.

– Но панна Морриган приказала называть вас так.

– А я приказываю: Дорин. – Я осёкся. Выдохнул. – Зачем пришёл, Тиро?

– Панна Морриган просила прибыть на совещание. Остальные уже собрались.

– Просила или приказала?

Он промолчал. Я не стал давить. Просто кивнул и пошёл к двери.

Коридоры давили холодным камнем. Редкие факелы в железных держателях – свет дрожал, тени ползли по кладке, удлинялись, когда я проходил мимо. Эхо шагов отражалось от сводов – мои и чужие, уже не разобрать. Привычка, въевшаяся за эти месяцы: считать повороты, запоминать выходы, не давать себе расслабиться. Война быстро учит читать молчание камня.

У входа в центральный зал выстроились рыцари. Попарно, плечом к плечу, доспехи, накидки с гербами. Собрание знамён – за каждым старая кровь и старая вражда. Чёрный ворон Лорон на белом. Зелёный дубовый лист Эрен с золотой нитью. Белое древо Таранис на чёрном. Два скрещённых меча Кеншагон по ярко-зелёному. Капля алой крови Габсрон на белом. Четыре падающие монеты Лугус на тёмной ткани.

Ни слова. Взглядами меня ощупывали, взвешивали – я привык. Но под этими взглядами кожа покрылась мурашками. Не от холода. От того, как они смотрели – будто я был товаром на торгу.

Рыцари расступились. Дверь отворилась с глухим скрипом. Пахнуло старым деревом и сырым камнем. Свет из высоких окон ложился на пол холодными полосами. Гобелены на стенах – выцветшие, битвы, застывшие в движении. Я на секунду задержал взгляд на одном: всадник с поднятым мечом, лицо стёрто временем. Кто он был? Чью землю защищал? Теперь это не имело значения.

Она стояла ко мне спиной. Прямая, как клинок, руки сцеплены за спиной. Свет ложился на белые волосы, делая их почти прозрачными – такими, что видно каждую прядь на просвет.

– Лорд Дорин, приветствую.

– И вас также... леди Морриган.

Пальцы её сжались – едва заметно. Она резко обернулась. Глаза сузились. В них мелькнуло что-то – не гнев, скорее усталость от чужих ошибок.

– Сколько ещё повторять? Глав лоронинских кланов следует называть пан и панна. Никаких «лордов» и «леди».

Что-то дрогнуло в её тоне – на мгновение передо мной стояла не глава клана Лорон, а двадцатилетняя девушка, слишком рано повзрослевшая. Но только на мгновение. Маска вернулась.

– Как скажете. Если вы так же перестанете называть меня лордом.

Она чуть приподняла бровь, но промолчала. Квиты. Я не стал развивать. В этом зале каждое слово имело цену, и я не

собирался тратить их на пустое.

В зал начали входить остальные. Шаги отдавались эхом – тяжёлые, уверенные, как у людей, привыкших, что их слушают.

Первым – Гавейн фон Кеншагон. Чёрные кудри, лицо измождённое, надменное. Скользнул по мне взглядом и растянул губы в натянутой улыбке. Я знал этот тип: улыбается, а сам считает, сколько у него отняли. Замок теперь принадлежал Драго, и каждая минута в этих стенах была для него унижением. Он это скрывал плохо.

– Морриган фон Лорон, приветствую.

Меня он не заметил. Или сделал вид.

– И вас, Гавейн фон Кеншагон, – ответила Морриган. – Дорин, мы собрались из-за вас. Вы, вероятно, не знакомы...

– Знакомы, – перебил я. – С Гавейном фон Кеншагон мы не встречались лично, но я читал рапорты. Его отряды и мои пересекались.

Гавейн усмехнулся сухо, без тени смущения.

– Удручающее обстоятельство. Но поймите: у кланов не было выбора, кроме как примкнуть к вторжению. Парламент давил, угрожал. – Он едва повёл плечом. – Не в обиду вам, панна Морриган.

За ним вошёл Самаэль фон Лугус. Длинные белые волосы, синие глаза – спокойные, с холодным умом. Бархат, серебряная вышивка. Короткий кивок Гавейну, меня не удостоил и взглядом.

Следом – Лир фон Таранис и Эрнест фон Эрен. Лир светловолосый, фиалковые глаза острые, оценивающие. Рядом возвышался Эрнест – золотоволосый гигант с уверенностью в каждом движении. Обменялись с Морриган формальными кивками.

Драго фон Габсрон вошёл одним из последних. Морские глаза блеснули узнаванием, короткий кивок мне – прямой, без фальши. Я ответил тем же.

За ним – Матильда фон Лорон. Волосы короче, чем у сестры, но то же лицо, те же фиалковые глаза. Холодная грация, без намёка на теплоту. Встретилась взглядом с Морриган – воздух между ними сгустился. Ни слова. Прошла в глубь зала и замерла у окна, отвернувшись.

Морриган обвела собравшихся тяжёлым взглядом.

– Итак, паны. Обсудим, как мы намерены выиграть эту войну.

– Войну? – Гавейн прищурился. – Война кончена. Или вы не заметили? Имперцы сдались. Шесть сотен. Остатки.

– Она не кончена, пока на троне сидят те, кто зовёт себя наследниками Легендара Второго, – отрезал Драго.

– И что с того? – Лир изогнул бровь. – Лоронин свободен. Остальное нас не касается.

– А что вы скажете на то, что Легендару Третьему ничто не мешает повторить путь отца? – Морриган выдержала паузу.

Тишина затянулась. Матильда стояла у окна, не глядя ни на кого, и её пальцы медленно сжимались на подоконнике –

раз, другой. Костяшки побелели.

– Как ни прискорбно, я согласна с сестрой, – заговорила Матильда. Слова упали ровно, без интонации. Она встрети-
лась взглядом с Морриган – и больше ничего.

– Поддерживаю Морриган фон Лорон, – коротко добавил Самаэль, чуть наклонив голову.

– А мне интересна позиция инициатора собрания. – Эр-
нест подался вперёд, фиалковые глаза упёрлись в меня. –
Лорд Дорин?

Все повернулись. Я заставил себя говорить ровно:

– Я согласен с Морриган фон Лорон. Но она права не во
всём.

– То есть вы с нами не согласны? – Лир изобразил преуве-
личенное удивление.

– Нет. Я говорю, что Легендар Третий столкнётся с труд-
ностями задолго до того, как укрепитя на троне. – Я смот-
рел прямо на Лира. – После смерти Легендара Второго его
вассалы наверняка уже перегрызлись за власть. Таомелия не
станет сидеть смирно. Там зреет негодование. Если прорвёт-
ся – Легендару будет не до нас.

– Иными словами, – перебил Гавейн, – Легендар Третий
ещё десятилетия не соберётся в новый поход. А нам, выхо-
дит, незачем ввязываться в авантюру ради туманного Вини-
риона Мирарин-Роквейн?

Где-то глубоко я был с ним согласен. Ещё недавно Лоро-
нин казался мне всем миром, а остальное – чужим и далё-

ким. Но я коснулся шрама под рубахой – след от кандалов, врезавшихся в запястья после той ночи в Республиканце, когда нас с Лорталем взяли. Там, в темноте, я понял: долг – это не вера. Это обещание, которое держит, даже когда всё остальное рассыпалось.

Корнелий искал Аврору. Я держал совет.

– Представьте, – я выдержал паузу, – что над вами висит меч. На тончайшей нити, какую только можно вообразить. Что вы сделаете? Будете ждать, пока упадёт? Или срежете заранее?

– А не вызовет ли вмешательство его падение раньше срока? – Гавейн прищурился. – И нить может лишь казаться тонкой.

– Но даже лунная сталь истончается со временем. – Эрнест подался вперёд. – Рано или поздно упадёт.

– А гарантии? – не унимался Гавейн, переводя взгляд на Матильду. – Вам легко говорить. Вы не были столь ярыми сторонниками Легендара.

– Можете не переживать, – я вернул внимание на себя. – Вы стоите здесь. Это уже говорит, кому вы верны.

– И кому же?

– Себе. И Лоронину.

Гавейн растянул губы в улыбке, но ответить не успел.

– Если бы это было так, – голос Драго прозвучал глухо, – я бы не клялся императору Винириону.

– А кто-то ещё в этом зале ему клялся? – Гавейн обвёл

присутствующих взглядом.

– Я не клялась лично, – заговорила Морриган. – Но считаю, он достоин получить то, что принадлежит ему по праву.

– Вам удобно так говорить, – парировал Лир. – Вы одна из немногих, кто с ним встречался.

– Я его знал, но не клялся, – снова я. – Выбор за вами. Последствия лягут только на вас.

– Это угроза? – Эрнест выпрямился.

– Даже если и так – что это меняет?

– Для меня ничего. – Эрнест усмехнулся холодно. – Легендар и его отпрыск заслуживают лишь прогулки по Марловазу.

– Тогда к делу. – Лир перевёл разговор. – Как вы планируете вторжение?

Я подошёл к столу, взял карту. Она лежала здесь уже несколько дней – я изучил её вдоль и поперёк, вспоминая и то, чему учили в Фольте, и то, что видел сам. Края обтрёпались, на сгибах проступали белые полосы. Я провёл пальцем по побережью.

– Восток Ярмариин – пустая степь. – Палец скользнул по контуру. – Ближайшие города дают три пути. Первый: высадка в поле и марш к Свету. Второй: Новосвет, но там серьёзный гарнизон. Третий – Впанденум, столь же опасный.

– Почему не ударить прямо по Ровнобаласу? – перебил Драго.

– Завяжем без снабжения. Девяти лет на осаду, как в

Первую Таомело-Ярмарскую, у нас нет.

– Первый вариант тоже рискован? – тихо спросил Самаэль.

– Самый эффективный. Почти все личные войска Легендара Второго уничтожены или рассеяны. Шесть сотен, что сдались здесь, – это всё, на что он мог рассчитывать. Остальные либо разбежались, либо отошли к Легендару Третьему. Но они дезориентированы. Шанс продвинуться вглубь велик.

– А Жнецы? – вдруг спросил Гавейн, и голос его упал.

– Кто? – Драго нахмурился.

Я помедлил. Жнецы. Полузабытые твари, выползшие после Войны Рассвета. Я не встречал их сам, но старые карты Ярмари и Таомелии были испещрены пометками: «не селиться», «не вставать лагерем».

– Два соображения, – ответил я. – Они избегают больших отрядов. И чаще трогают тех, кто пытается осесть, а не проходит мимо.

– Откуда это известно? – Лир прищурился.

Я встретил его взгляд.

– Старые карты. И те, кто их рисовал. На Лоронине о таком не знают.

Никто не ответил. Плечи Драго опустились. Лир потёр подбородок. Никто не знал, что сказать.

– Итак. Ваш окончательный вердикт?

– Моё слово сказано, – первым ответил Эрнест.

– Я вижу больше пользы, чем риска, – кивнул Лир.

– Однозначно за, – отрезал Драго.

– Я тоже за, – спокойно произнёс Самаэль. – Но в бою от меня толку мало. Я займусь снабжением. Обозы, провиант, фураж – это моё.

– Моя позиция ясна с начала, – сказала Морриган.

– Моя неизменна, – Гавейн повёл плечом. – Я предпочёл бы хрупкий, недолгий мир неясной войне.

Все взгляды обратились к Матильде. Она стояла в стороне, молча, почти недвижимо. Пальцы на подоконнике разжались – медленно, будто она отпускала что-то, что держало её здесь. Морриган покосилась на сестру – быстрый, почти незаметный взгляд, тут же отведённый.

– И что решит старшая фон Лорон? – спросил Гавейн.

Матильда ответила тихо, но каждое слово упало в тишину отчётливо:

– Ну что ж. Война так война.

Совет закончился. Я снова вышел к балкону. Элисар уже полностью взял власть над миром – луна стояла высоко, заливая холодным светом черепицу и тёмные кроны за стеной. Ветер стих, и в этой тишине каждый звук казался слишком громким: скрип половиц внизу, чей-то кашель в дальнем крыле, звон цепи на конюшне.

Я вздохнул и отвёл прядь, брошенную ветром в глаза. Волосы отросли, лезли в лицо – но стричь я их не собирался.

Единственное, что напоминало о сестре. Пока не найду Аврору – ни одной пряди.

Всё вышло иначе, чем я ждал. Гавейна убедить не удалось – но, зная его репутацию, я немного потерял. А вот Матильда... Зачем она согласилась? Может, Морриган знала больше, чем говорила. Может, между ними было что-то, чего я не видел.

Я оборвал мысль. Незачем гадать над непостижимым. Что зависело от меня – сделано. Остальное решится без моего участия, нравится мне это или нет.

Я оттолкнулся от парапета и пошёл к покоям. Коридоры молчали, лишь эхо шагов провожало до двери. У камина, в глубоком кресле, сидела Морриган. В руке – стеклянный кубок с тёмной жидкостью. Второй, такой же, стоял на столике рядом. Она не обернулась, но я знал, что она слышала мои шаги.

– Панна Морриган. – Я остановился у порога. – Вы что-то хотели?

– И да, и нет, Дорин. – Она кивнула на второй кубок.

Я взял его. Тепло стекла коснулось пальцев – и я поставил кубок обратно на столешницу.

Морриган заметила. Уголок её губ дрогнул.

– Первый ответ я уже получила. – Она посмотрела на нетронутое вино. – Второй...

– Связан с вашей сестрой?

Её взгляд дрогнул. Она отпила глоток, не сводя глаз с ог-

ня.

– Глядя на неё, что можно предположить?

– Сложно сказать, не заговорив. Стратег полагается не только на взгляд, но и на знание противника. Или союзника.

– Верно. – Она поставила кубок. Огонь камина отразился в стекле. – С сестрой мы не говорили уже месяцы. Не по-настоящему. Я не знаю, как начать. А ты не я. Ты не втянут в наши старые распри.

Я молчал. Вот оно что. Не просьба о слежке – просьба о мосте. Который она не могла построить сама.

– Присмотри за ней, – сказала она тише. – Я не прошу доносить. Просто... если понадобится помощь, а меня рядом не будет.

Я кивнул. Слова – дешёвый товар. Я не собирался лезть в их дела, но отказывать впрямую не стоило. Да и что я мог ответить? «Нет»? После того, как она дала нам кров, людей, корабли?

Она поднялась, прошла к двери. У порога обернулась на миг – и вышла, тихо притворив за собой створку. Шаги стихли в коридоре.

Я задул свечи одну за другой – пламя дрожало, гасло, оставляя запах дыма. Опустился в кресло у камина. Темнота сомкнулась, только треск поленьев нарушал тишину.

Мысли возвращались к карте. К Жнецам. К сестре, оставшейся где-то далеко. К войне, которая только начиналась.

Глава 2

Винирион

20 Кальдирена 970 года, остров Тан

Тьма отступала нехотя, будто отдирали примёрзшую ткань. Я не хотел открывать глаз. Там, в темноте, не было ничего – ни площади, ни криков, ни её горла под моими пальцами. Только холод. Спокойный. Чистый.

Но холод стоял и снаружи. Настоящий, пробирающий до костей. Он забрался под тунику, обвил рёбра, вцепился в пальцы. Щекой я почувствовал шершавое – мёрзлую землю, тонкий слой инея. Иней таял от тепла кожи, и влага стекала по виску, холодная, как чужая кровь.

Перед внутренним взором вспыхнуло лицо Легендара. Слова о помиловании. Потом взор заволокла тьма – та, что рвалась наружу. Пальцы, сомкнувшиеся на её горле. Я чувствовал их даже сейчас – как они сжимались, как под кожей билась жилка, как её дыхание прерывалось под моей ладонью. Дальше – провал.

Веки дрогнули. Света не было – серый сумрак, размытый,

нечёткий. Я непроизвольно повернул голову влево и осёкся. Там, где раньше болело и жгло, теперь не было ничего. Провал. Не тьма – отсутствие. Я снова повернул голову, уже вынужденно, ловя правым глазом очертания стволов и камней. Всё плыло, теряло глубину. Лес. Незнакомый. Сосны стояли плотно, стволы тонули в серой мути, и не было видно, где кончается лес и начинается небо.

Я вдохнул. Воздух обжёг горло – не тёплый, не морозный, просто чужой. Запах земли ударил в нос, а с ним – смолистый дух сосен. Смола. Я знал этот запах – отец приносил пропитанные смолой щепки для растопки, и они пахли так же, только слабее. Здесь запах был гуще, старше. Кроны смыкались над головой, и в этом сумраке не было ни птиц, ни движения – только тишина, тяжёлая, как мокрый снег.

Я дёрнулся. Тело среагировало раньше рассудка – страх рванул мышцы, заставил приподняться на локте. И замер.

На моих коленях лежала Аврора.

Рыжие волосы разметались по моим бёдрам, лицо спокойное, почти безмятежное – если бы не бледность, разлившаяся по щекам. Голова безвольно покоилась на моих ногах, и в этом покое чудилось неестественное. Неподвижное. Я смотрел на её губы – посиневшие, сухие, – и ждал, что они шевельнутся. Ждал, что она дышит. Что она жива.

Я коснулся её щеки. Пальцы дрогнули. Кожа едва теплилась – не теплом, лишь намёком на него, будто жизнь уже почти ушла и только по забывчивости задержалась у поверх-

ности. Я отдёрнул руку. Потом коснулся снова – уже всей ладонью, пытаюсь нащупать это тепло, удержать его, не дать уйти.

И тут – будь прокляты Шестеро – её ресницы дрогнули.

Я прижал её к себе и в тот же миг отдёрнул руки. Пальцы помнили. Слишком остро помнили, как смыкались на её горле. Я хотел держать её – и не смел. Хотел отстраниться – и не мог. Мои руки висели в воздухе, не зная, куда деться.

Веки дрогнули снова. Медленно, невероятно медленно они поползли вверх. И на меня посмотрели глаза цвета молодой хвои.

Я хотел провалиться. Исчезнуть. Сгинуть в Марловазе – куда угодно, лишь бы не увидеть в её глазах страх. Я ждал его. Готовился. Знал, что заслужил.

Радость?

Я не понимал. Не мог понять. Чудовище – я сам был чудовищем, мои пальцы сомкнули смерть у её горла, – а она смотрела на меня как прежде. Как будто ничего не случилось. Как будто я не держал её жизнь в кулаке.

– Вيني... – Голос сорвался в хрип, едва слышный. – Кх-кх... это ты?

Я не ответил. Слова рассыпались, стоило попытаться их произнести. Горло сжалось. Я только смотрел на неё – на её губы, на её глаза, на то, как она смотрит на меня, – и не мог поверить.

Ты меня слышишь?

Тишина.

Ни тягучего голоса, ни эха. Только шум ветра в сосновых кронах. Раньше он отзывался сразу – стоило лишь подумать. Теперь молчал. Я подождал ещё. Ничего.

– Винирион... посмотри на меня.

Аврора говорила с трудом – голос сипел, срывался на шёпот. Я не выдержал. Посмотрел. И тут же отвёл взгляд.

Не смел. Я был тем, кто мог её убить. Мог – и сейчас могу. Я гнал эту мысль прочь, но она возвращалась – назойливая, липкая. Стоило посмотреть на свои руки, и я снова видел их на её шее. Стоило закрыть глаз – и я снова чувствовал, как сжимаются пальцы.

– Я чуть не убил тебя, – вырвалось прежде, чем я успел остановить себя.

Она потянула ладонь к моему лицу. Я, не думая, взял её руку и прижал к щеке, проклиная себя за это. Её пальцы коснулись места, где раньше была повязка. Под кожей – гладкая, стянутая. Затянулось. Я не помнил, как. Не помнил, когда.

Я отпустил её ладонь. Аврора попыталась опереться на локоть, но тело не слушалось – она завалилась обратно, прижавшись щекой к мёрзлой земле.

– Я знаю, – прохрипела она, не пытаясь подняться. – Но я также знаю... что это был не ты.

Я хмыкнул. Горько, сухо.

– Я видел всё. – Слова царапали горло. – И я это делал. Мои руки. Моя воля. Никто не тянул за нити.

Альтйор. Как же я ненавидел его. Пророчество. Себя. Лучше бы тьма забрала меня ещё там, на площади. Не было бы ни этого холода, ни её взгляда. Ни этого мгновения, когда я не знаю, куда деть руки.

Издалека донёсся треск – кто-то наступил на ветку.

Дыхание участилось. Я огляделся, цепляясь правым глазом за каждую тень. Взгляд упал на камень – весь исписанный незнакомыми символами. Не раздумывая, я попытался встать, осторожно, чтобы Аврора не соскользнула с колен. Тело не слушалось. Я покачнулся, едва не упал, и в последний миг схватил её, увлекая за собой в тень валуна. Она слабо охнула, вжавшись лицом мне в грудь.

– Я вас и так видел.

Голос раздался совсем рядом. Спокойный, почти безразличный.

Я поднялся. Медленно, преодолевая дрожь, всё ещё прижимая Аврору к себе. Она слабо упёрлась руками мне в грудь, но я не отпустил.

Из-за камня я увидел его.

Худой человек в объёмном меховом плаще. Капюшон низко надвинут, лицо скрыто. Только несколько прядей выбились наружу – огненно-рыжие, яркие на фоне серого неба. Как кровь на снегу.

Янтарные глаза. Как у меня. Но в его – ничего. Ни света, ни тьмы. Пустота. Я вглядывался в эти глаза и не мог понять, что вижу. Не безумие. Не холод. Просто отсутствие. Как буд-

то за ними ничего не было. Как будто там, где у людей душа, у него – выжженная пустошь.

– Мне неинтересно, как вы здесь оказались, – продолжал он. – Но, глядя на вас, могу предположить: вы скоро замёрзнете насмерть.

– Кто вы? – Голос прозвучал хрипло, сорванно.

Он чуть склонил голову, прислушиваясь к чему-то далёкому.

– А вправду, кто же я? – Вопрос прозвучал без интереса, как эхо. – Спроси у моря его истинное имя. Оно даст первое, каким его назвали, но не настоящее. Слушай – может, ответит. Может, нет.

Я слушал и не понимал. Безумец. Отшельник. Или что-то иное. Слова были странные, но не пустые. В них что-то было. Что-то, чего я не мог ухватить.

– Но если отбросить загадки, – он поднёс руку к шее, коснувшись чего-то под плащом, – моё имя сейчас Кальдирен.

Мелькнули две тонкие цепочки. На одной – кольцо с красным камнем, чистым, без изъяна. На другой – кольцо с золотисто-жёлтым свечением, и в глубине его, если приглядеться, угадывался вертикальный зрачок. Живой. Смотрящий.

Я непроизвольно потянулся к своему кулону и отдёрнул руку. Кулон был на месте – холодный, тяжёлый, – и от этого холода под рёбрами что-то сжалось.

– А если вспоминать дни давно утерянные, – продолжал он глуше, – то имя моё Кальдирен Мирарин.

Кальдирен Мирарин. Император из легенд. Мой разум отказывался это принимать. Самозванец. Сумасшедший. Но глаза... эта пустота... Я смотрел в них и понимал: он не лжёт. Не может лгать. Слишком пусто. Слишком тихо.

– А ваши имена? – спросил он. – Те, кого я вижу впервые за семьсот двадцать восемь лет.

Цифра упала обыденно, как снег. Семьсот двадцать восемь лет. Я не мог осознать. Не мог представить. Просто стоял и смотрел на него.

– Винирион Мирарин-Роквейн, – выдавил я.

Он посмотрел мне прямо в глаз. Не на лицо – куда-то глубже, сквозь кровь и плоть. Я напрягся, прижал Аврору крепче, но тут же ослабил хватку. Она судорожно вздохнула, но не отстранилась.

Его взгляд скользнул чуть выше, к моему лбу. На мгновение – едва уловимое – в уголках губ дрогнула тень. Не улыбка. Что-то похожее на узнавание. Исчезла.

– Много лет прошло с тех пор, как умерли все, кого я помнил, – проговорил он, – но твоё лицо, Винирион, напоминает мне очень далёкого предка. Имя его в вашей истории, верно, давно забыто.

Он перевёл взгляд на Аврору. Она почти спряталась за моей спиной, вжавшись в меня. Я чувствовал, как дрожат её пальцы на моей тунике.

– А ты похожа на другого знакомого. Угасшего ещё раньше. Но судьба любит совпадения. Имя тебе Аврора.

Тень усмешки снова тронула его губы и пропала.

– Моё предположение истинно. – Он опять посмотрел на нас обоих. – Глядя на вас, очевидно: вы скоро замёрзнете. С моей стороны было бы невежливо не предложить путь к моему... пристанищу.

Он запнулся на последнем слове, будто оно было чужим.

Я молчал. Аврора дрожала, губы посинели. Решение было очевидно.

– В твоём глазу, Винирион, я вижу страх, – добавил он, не оборачиваясь. – Значит, у тебя ещё есть то, что я давно утратил.

Он развернулся и пошёл. Медленно, не оглядываясь.

Аврора попыталась шагнуть следом – ноги подкосились. Я подхватил её на руки. Она оказалась лёгкой, почти невестомой. Голова упала мне на плечо, дыхание – тихое, прерывистое. Каждый шаг был клятвой. Я не знал, кому и в чём клянусь. Просто знал, что не отпущу.

Лес густел. Ветер становился злее – хлестал по лицу ледяными иглами, пробирал под плащ. Ноги подкашивались, но я не останавливался. Аврора на руках казалась тяжелее, чем была, и в то же время я не смел ослабить хватку. Её дыхание у моей груди – единственное тепло в этом ледяном мире. Я считал его. Каждый выдох. Каждый вдох. Если считать, можно не думать о том, что будет, если они прекратятся.

Кальдирен шёл впереди. Ветер, казалось, не касался его. Фигура в меховом плаще двигалась ровно, бесшумно, как

тень, скользящая сквозь снег.

– Ещё... долго? – выдавил я. Голос сорвался на хрип.

– Долго? – Он не обернулся. – Время – мера ожидания. Пять мгновений могут быть вечностью, если ждёшь спасения. Вечность – мгновением, если надежды нет. Долго ли? Зависит от того, веришь ли ты в то, что ждёт впереди.

Я опустил взгляд на Аврору. Лицо бледное, почти прозрачное. Ресницы подрагивали, губы сжаты – даже во сне она боролась с холодом. Моя рука, недавно державшая тьму, теперь прижимала её к себе. Чудовище. Но пока я чувствую её дыхание, я не сдамся.

Кальдирен остановился так резко, что я едва не налетел на него. Он смотрел прямо перед собой, туда, где меж двух замшелых валунов уходила в лес обычная заснеженная тропа. Ничего примечательного.

Он небрежно махнул рукой – словно отгонял муху.

Воздух перед ним дрогнул. Из ничего за клубился туман – густой, белый, непроницаемый. Он не полз по земле, а возникал прямо из морозного воздуха, закручиваясь вопреки ветру. Мгновение – и перед нами стояла плотная стена, поглотившая свет.

Туман всколыхнулся, начал рассеиваться. Изнутри пробился слабый желтоватый свет – и погас. Перед нами открылся тёмный провал – каменные ступени, круто уходящие вниз, под корни деревьев.

Я замер.

То, что я видел, не поддавалось рассудку. Не просто укрытие. Не потайная дверь. Нечто иное – древнее, скрытое. Корнелий рассказывал о временах, когда императоры повелевали силой, недоступной простым смертным. О Камнях. О пророчестве. Тогда это были слова из старого свитка. Теперь я смотрел на подтверждение этих слов – и не мог отвести взгляд.

Кальдирен не просто знал путь – он создал его.

– Чего стоишь, – бросил он, не оборачиваясь.

Я пошёл за ним вниз по винтовой лестнице. Ступени уходили всё глубже. Воздух стал плотным, пахло сырой землёй и холодным камнем – скорее пещера, обтёсанная человеческими руками, чем подвал. Аврора тяжелела с каждым шагом. Она не шевелилась, дыхание едва угадывалось. Я прижимал её крепче, пытаюсь укрыть от холода этого колодца, от той тьмы, что жила во мне.

Кальдирен остановился на площадке, где лестница делала поворот.

– Тебя это не удивляет, – заметил он с тенью любопытства.

– Значит, то, что ты видел прежде, было страшнее.

Он махнул рукой. Пустые держатели на стенах засветились ровным желтоватым светом – бездымным, неживым. Не факелы. Нечто иное.

– И если это то, о чём я думаю, твои дела хуже моих.

Он снова повернулся и пошёл вниз. Впереди, в колдовском свете, открывался коридор – длинный, уходящий во

мрак, с десятками тёмных дверных проёмов по обе стороны. Стены грубо выдолблены, кое-где проступали прожилки породы – здесь не заботились о красоте. Жильё по необходимости, не дворец.

Кальдирен остановился у начала коридора. Когда я, шатаюсь, поравнялся с ним, он шагнул ближе. Его пальцы потянулись к моей шее, туда, где под туникой висел кулон. Замерли на волосок от ткани. Он закрыл глаза.

Кулон под одеждой вспыхнул – не светом, а тьмой. Чёрное сияние пробилось сквозь ткань, пожирая жёлтый свет. Тени сгустились. Коридор превратился в пасть бездны.

Дыхание перехватило. Я увидел её лицо. Её горло под моими пальцами. Нет. Лучше смерть.

Я рванул цепочку, сдёрнул через голову. Кулон – тяжёлый, холодный – с глухим стуком упал на каменный пол у ног Кальдирена. Тьма отступила.

И вместе с ней ушло всё. Я перестал чувствовать холод камня – только пустоту в груди. В левой глазнице засадили, будто сама пустота напомнила о себе.

– Знаешь, невежливо выбрасывать хранимую тебе вещь тому, кого ты даже не знаешь. – Кальдирен открыл глаза. Пустота в них не дрогнула. Он наклонился, поднял кулон, повертел в пальцах. – И даже если эта вещь опасна, ты мог бы и не бояться того, о чём думаешь. Страх делает её сильной. Только твоя тень может стать тенью. Но также она может стать тем, что эту тень поглотит.

Он протянул кулон мне. Я отшатнулся.

– Ну что ж. Выбор за тобой. – Он смотрел сквозь меня.
– Если, конечно, понимать, что такое выбор. Иллюзия пути в лабиринте, где стены возведены заранее? Миг колебания перед прыжком в пропасть, которая была твоей судьбой с начала? Или просто слово, которым слабые утешают себя, плывя по течению реки, не ими созданной?

Он замолчал. Потом добавил, уже отворачиваясь:

– Вам не мешает укрытие. Пройдите в девятую комнату по правой стороне. Ждите меня там.

Он пошёл назад, вверх по лестнице. Шаги гулко отдавались в тишине, пока не затихли.

Я двинулся по коридору, считая двери. Девятая справа. Тёмное дерево, грубые петли – толкнул плечом, дверь подавалась со скрипом.

Комната просторная, почти пустая. Кровать с серым одеялом. Стул. Огромный стол, заваленный свитками. У дальней стены – шкаф с книгами от пола до потолка. В углу, у изголовья, витал слабый запах трав, давно высохших, – здесь когда-то жила женщина. Стены – грубый камень, холодный на вид. Но хотя бы не было ветра.

Аврора. Я осторожно опустил её на кровать. Она застонала, но не проснулась. Платье – мокрое насквозь, ледяное. В углу стоял платяной шкаф. Внутри – женские платья, все одного фасона, тёмно-бордовые, от лёгких до зимних.

Я выбрал самое плотное, шерстяное. Отложил. Пальцы

дрожали, пока снимал с неё промокшую одежду. Быстро, почти не дыша, надел сухое платье. Оно оказалось великовато – рукава пришлось дважды подвернуть, подол укрыв её ступни с запасом. Она свернулась калачиком, непроизвольно ища тепло.

Я хотел уйти. Сесть на стул в углу, дать ей покой. Но когда отступил от кровати, её рука скользнула из-под одеяла и слабо, но цепко сжала край моей туники.

– Останься.

Голос – сонный, едва слышный.

Я замер. Смотрел на её бледное лицо, на тёмные ресницы. Остаться? Рядом с ней? После всего? Я осторожно попытался высвободить ткань.

– Винирион... прошу...

Голос сорвался в хрип, дыхание перешло в кашель. Но пальцы не разжались. В этом слабом пожатии было больше силы, чем в моих руках, державших меч. Она не боялась меня. Она боялась, что я не вернусь.

Мои пальцы замерли на её руке. Секунда. Другая. Я аккуратно, почти не дыша, высвободил ткань туники из слабой хватки. За спиной раздался тихий, сдавленный всхлип. Я не обернулся. Вышел. Плотно прикрыл дверь.

Шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Её всхлип стоял в ушах. Я сжал кулаки – ногти впились в ладони, но боль не заглушала ту, что рвала изнутри.

Я брёл вперёд. Коридор сворачивал, раздваивался, воз-

вращал к началу. Толкнул первую попавшуюся дверь. Кладовая. На грубой лавке – аккуратно сложенная одежда. Чёрная туника, чёрные штаны. Я переоделся, бросив мокрое на пол. Сухая ткань согрела тело.

Следующая дверь. Комната – почти как та, где осталась Аврора. Шкаф с книгами, стол, заваленный томами. Ни кровати, ни следов жизни.

Я опустился на стул. Взял первую попавшуюся книгу. Пожелтевшие страницы, незнакомые символы. Пролистал – ни слова не понял. Вторая, третья – то же самое.

Четвёртая поддалась. На обложке – светлодайские буквы, хоть и непривычного начертания: «Хроники Безумного Короля, или Как король Мирин погрузился в безумие».

Король Мирин. Кровь, которую я ношу.

Я открыл книгу. Взгляд зацепился за стихотворный фрагмент:

В летописях старых, в преданьях седых
О Трене, чей образ был скрыт от других,
Как тень он являлся, чтоб с братом идти,
Творцов мирозданья постигнуть пути.
Но молот судьбы обрушился вновь –
Угасла Ринии прекрасная любовь.
И Мирин, король, утратив покой,
Пошёл за запретной, ужасной чертой.
Та сила, что разум травит,
Которую сам Альтйор запретил,

Его обезумевшее сердце пленила,
И чаяньем власти ему заменила.
Тогда над подданными, в замке глухом,
Начал творить он невиданный глум.
Светоносцы, могучи когда-то народ,
В несчастных тенеццев уйдут.
Исчезла их плоть, их телесный закат,
Остался лишь дух, что за форму дрожать был бы рад.
Полупризраки, что не живы, не мертвы,
Воплощённой тоски безобразные чревы.
Но король, ослеплённый своей же мечтой,
Решил завершить этот ужасный бой:

«Солью свет и тенеццев! – провозгласил он в тиши. –
И род появится сильнейшей души!»

Так гласит нам хроника о тех днях,
О безумстве, о боли, о страшных грехах.
О короле, что любовь потеряв навсегда,
Превратил в Марловаз когда-то счастливые года...

Я перечитал последние строки. Любовь потеряв навсегда.

Перед глазами встала Аврора – как она обмякла в моих руках на площади. Как её голова запрокинулась. Как пальцы разжались. Я закрыл книгу. Слишком громко. Стук обложки о стол отдался в тишине – резко, будто раскололся камень под ногой.

– Как я вижу, ты не совсем послушал, – раздался голос за спиной.

Я вздрогнул. Кальдирен стоял в дверях. Он подошёл к столу, бросил на него кулон. Чёрный камень глухо стукнул о дерево.

– Похвально, что тебе интересны события давно минувших дней. – Он кивнул на книгу. – Но ответа на несказанный вопрос я не услышал. Почему ты покинул комнату, которую я указал?

Я молчал. Его взгляд изменился: пустота сменилась чем-то похожим на тлеющий уголь.

– Если это одна из причин, – он указал на кулон, – я слушаю остальные. И если я прав, мне придётся заставить тебя сделать то, чего ты избегаешь.

Я смотрел на камень. Отвращение. Желание. Ком в груди. Я не знал, чего хочу больше – схватить его или раздавить.

– Если боишься ноши, что сам надел, прими её сначала духом. – Он накрыл кулон ладонью и убрал в деревянный футляр под столом. – Потом – деянием. Он будет здесь. Когда пожелаешь.

Я повернулся к двери – к Авроре, – но остановился.

– Это вы составили пророчество?

– Если бы. – Лицо его не дрогнуло. – Что ты понимаешь под словом «пророчество»? Тогда я скажу, чьё оно.

Я начал произносить ввевшиеся в память строки:

– «Соберутся камни мироздания – и засветят они у вечности тьмы...»

– Ничего подобного я не слышал и не произносил, – пе-

ребил он.

Значит, правда. Я заперт в чужом замысле. Слова, которые я повторял как молитву, слова, которые жгли меня изнутри, – они были не его. Чьи-то ещё. Кого-то, кого он боялся даже называть.

– Кто тогда это сказал?

– Имя его забыто. Упомянуть здесь – всё равно что танцевать на костях. – Взгляд Кальдирена ушёл вдаль. – Придёт время. А пока...

Он протянул мне тяжёлый глиняный кувшин.

– Наполни себя и свою спутницу силами. Прежде чем тебе откроется истина.

Он открыл дверь, жестом приглашая выйти. Я пошёл за ним.

У комнаты Авроры он пропустил меня вперёд. Я вошёл. Дверь закрылась. Ключ повернулся в замке.

Заперты. Вместе.

С кровати доносился тихий, приглушённый плач. Голос сорванный, слабый – она не могла кричать, только всхлипывала, уткнувшись лицом в подушку. Аврора лежала спиной ко мне.

Я поставил кувшин на стол. Подошёл. Коснулся её плеча.

Плач оборвался. Она резко повернулась и бросилась ко мне, вцепилась в плечи, зарылась лицом в тунику. Пальцы сжали ткань так, что я не смог бы оторвать её, даже если бы захотел.

– Винирион... ты пришёл... – Голос сорвался в хрип, дыхание перешло в кашель. – Я... я так боялась... что ты не...

Она не договорила. Слова утонули в новых всхлипах.

Я не обнял её в ответ. Руки висели плетью. Взгляд единственного глаза упёрся в стену за её спиной – в серый камень, в холодные тени. Только не на неё. Если посмотрю – сломаюсь. А ломаться мне нельзя.

Её тепло пробивалось сквозь тунику. Каждый всхлип отдавался у меня в груди. Я стоял неподвижно, боясь пошевелиться. Боясь, что любое движение – и она исчезнет.

Но и не оттолкнул. Просто стоял, чувствуя, как она дрожит, как вжимается в меня, ища спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.